

Лицо на мишени

Гарольд Марч, подающий надежды репортер-обозреватель, энергично шел через вересковые пустоши плоскогорья, окаймленные далекими лесами знаменитого поместья Торвуд-парк. Это был симпатичный юноша в твидовом костюме, с очень светлыми вьющимися волосами и ясными светло-голубыми глазами. Он был достаточно юн, чтобы, шагая под ярким солнцем, вдыхая ветер первозданной свободы, не забывать о политике и даже не пытаться о ней забыть. Ибо дело, которое вело его в Торвуд-парк, было напрямую связано с политикой — именно там ему назначил встречу не кто-нибудь, а сам канцлер казначейства сэр Говард Хорн, только что сообщивший о своем так называемом социалистическом проекте бюджета и согласившийся пространно изложить его основы в интервью со столь молодым, но одаренным журналистом. Гарольд Марч знал все о политике и ровным счетом ничего о политиках. Кроме того, он был весьма сведущ в искусстве, литературе, философии и культуре в целом — в общем, почти во всем, кроме того мира, который его окружал.

Неожиданно, прямо посреди залитой солнцем и продуваемой ветрами равнины, он натолкнулся на расселину, до того узкую, что ее можно было бы назвать трещиной в земле. Однако она была достаточно широка, чтобы вместить небольшой ручей, который местами терялся в зеленых зарослях травы и кустов, точно карликовая река в карликовом лесу. У юного путешественника даже возникло странное ощущение, будто он — великан, взирающий на долину, населенную гномами. Впрочем, как только он прыжками спустился вниз, ощущение это пропало. Каменистые склоны расселины хоть и не превышали высоты обычного коттеджа, вид имели неприступный и чем-то напоминали стены пропасти. Когда он, охваченный

пустым, но волнительным любопытством, пошел вниз по течению и увидел среди больших серых валунов и мягких, напоминающих огромные подушки мха зеленых кустов короткие поблескивающие ленты воды, у него возникло другое чувство. Теперь ему стало казаться, что разверзшаяся земля поглотила его и он очутился в каком-то подземном сказочном мире. А когда он увидел темнеющую на фоне серебристого потока фигуру сидящего на большом валуне человека, чем-то похожую на большую птицу, его охватило смутное предчувствие, что сейчас завяжется самое странное знакомство в его жизни.

По-видимому, человек удил рыбу. По крайней мере, он сидел в позе рыбака, только еще неподвижнее. Марч несколько минут рассматривал незнакомца, как какую-нибудь статую, пока «статуя» не заговорила. Это был высокий светловолосый мужчина, с очень бледным и несколько безучастным лицом, с тяжелыми веками и горбатым носом. Когда лицо мужчины было оттенено широкой белой шляпой, светлые усы и гибкая фигура придавали ему молодой вид, но в ту минуту шляпа его лежала на мху рядом с ним, и журналисту было видно, что он лысоват и полысел слишком рано для своего возраста, а это, в сочетании с определенной отрешенностью в глазах, наводило на мысль, что мужчина привык к работе головой или даже к головной боли. И все же самым необычным в нем было то, что Марч осознал уже после того, как его рассмотрел: хоть этот человек и походил на рыбака, целью его была не рыба.

Вместо удочки он держал в руках нечто вроде подсака, каким пользуются некоторые рыбаки, только его орудие больше походило на обычный игрушечный сачок — дети охотятся с ним на креветок и бабочек. Он время от времени опускал его в воду и, внимательно изучив улов (водоросли или ил), высыпал его обратно.

— Нет, я ничего не поймал, — спокойно произнес он, будто отвечая на не произнесенный вслух вопрос. — Когда что-то попадает, приходится выбрасывать, особенно крупную рыбу. Но некоторые твари помельче мне интересны.

— Вы ученый? — поинтересовался Марч.

— Боюсь, скорее, любитель, — ответил странный рыбак. — Меня интересует то, что называют «феноменом фосфоресценции». Но дома-то не повесишь светильник из светящейся рыбины.

— Да уж, — усмехнулся Марч.

— Довольно нелепо было бы входить в гостиную с большой светящейся треской в руках, — продолжил незнакомец своим странным безразличным голосом. — А как было бы удивительно, если бы можно было разгуливать по комнатам с таким «фонарем» или вместо свечей использовать мелкую рыбешку. Некоторых морских существ вполне можно было бы вешать на потолок вместо ламп: к примеру, морская улитка, которая блестит вся, как звездное небо, или некоторые виды красных морских звезд, которые в самом деле светятся, как красные звезды. Но, разумеется, здесь я не их ищу.

У Марча возникло желание спросить, что он тут ищет, однако, почувствовав, что не сможет поддержать беседу на должном ученом уровне, так как не обладает сколь-либо глубокими познаниями хотя бы даже в названиях глубоководных рыб, решил заговорить о более привычных вещах.

— А замечательное тут местечко! — сказал он. — Такая крохотная лощина, да еще с речушкой. Похоже на одно из тех мест, о которых Стивенсон говорит: «Такое чувство, что здесь что-то обязательно должно произойти».

— Я знаю, — ответил человек с сачком. — Наверное, потому что само это место, так сказать, «происходит», а не просто существует. Может быть, именно это Пикассо и некоторые кубисты пытаются выразить угловатостью и ломаными линиями. Посмотрите на эти стеноподобные низкие обрывы: они идут вниз четко под прямыми углами к поросшему травой склону, который как бы устремляется к ним. Это похоже на беззвучное столкновение, на волну, отхлынувшую от скалы.

Марч посмотрел на низенький утес, нависший над зеленым склоном, и кивнул. Его заинтересовал человек, который так легко перешел от тонкостей науки к вопросам художествен-

ного восприятия, и он спросил у незнакомца, нравятся ли ему современные художники-кубисты.

— В моем представлении кубисты недостаточно кубичны, — ответил тот. — Я хочу сказать, что им не хватает ширины. Превращая вещи в математику, они сужают их. Лишите ландшафт живых, плавных линий, упростите его до прямых углов, и вы получите на бумаге простую диаграмму. Диаграммы тоже не лишены своеобразной красоты, но это красота иного порядка. Они ратуют за незыблемые вещи, холодные, вечные, так сказать, математические истины, то, что кто-то назвал «блеском вечной белизны, которая»...¹

Он вдруг замолчал, и прежде чем было произнесено следующее слово, что-то произошло. Произошло до того быстро и неожиданно, что они и понять ничего не успели. Сверху, из-за нависающей скалы, послышалось движение, шум, похожий на грохот поезда, и над ними возник большой автомобиль, который завис на вершине утеса, черным пятном заслонив солнце, точно боевая колесница, летящая навстречу гибели в какой-нибудь эпической поэме. Марч машинально вытянул руку в бессмысленном жесте, как будто хотел подхватить чашку, падающую со стола в гостиной.

На какую-то долю секунды показалось, что автомобиль вот-вот сорвется с края обрыва и вознесется ввысь, как летучий корабль, но тут само небо будто перевернулось, и машина обрушилась в высокую траву. Тонкая струя серого дыма медленно поднялась из нее в притихший воздух. Чуть ниже на крутой зеленый склон упало тело человека с седыми волосами, руки и ноги его беспорядочно разметало, лицо было отвернуто в сторону.

Эксцентричный рыбак бросил сачок и торопливыми шагами направился к месту аварии. Его новый знакомый последовал за ним. Приблизившись, они увидели картину, не лишенную черной иронии: погибшая машина все еще содрогалась

¹ Слова из элегии английского поэта-романтика Перси Биши Шелли «Адо-наис» (1821).



и гудела, как заводской станок, тогда как человек лежал совершенно неподвижно.

В том, что он был мертв, не оставалось никаких сомнений. Кровь вытекала на траву из большой дыры в черепе на затылке. Но лицо его, устремленное к солнцу, не пострадало и даже странным образом казалось притягательным. Это был тот случай, когда видишь лицо явно незнакомого человека, и тебе кажется, что ты его уже где-то видел. Мы думаем, что вот-вот память что-то подскажет, что еще немного, и мы вспомним его, но этого так и не происходит. Лицо было крупным, квадратным, с большими обезьяньими челюстями; плотно сжатые широкие губы превратились в тонкую линию; ноздри на коротком носу имели такой вид, будто с жадностью вдыхали воздух. Самым приметным на его лице были брови: одна из них вздернута под намного более острым углом, чем вторая. Марчу вдруг подумалось, что он никогда еще не видел более живого лица, чем этот мертвый лик. И обрамление из седых волос придавало этому пышущему звериной энергией лицу еще более необычный вид. Из кармана мертвеца торчали какие-то бумаги, среди них Марч заметил и несколько визитных карточек. Он прочитал имя вслух:

— Сэр Хэмфри Тернбулл. Я где-то уже слышал это имя!

Его компаньон лишь слегка вздохнул и какое-то время молчал, словно задумавшись, а потом просто произнес:

— Несчастный умер. — После чего добавил еще несколько ученых слов, в которых его знакомый снова оказался несилён.

— В таких обстоятельствах, — продолжил сей удивительно разнопланово образованный человек, — нам положено бы оставить все как есть, не трогать тела, пока об этом не будет сообщено полиции. Я бы добавил, что хорошо бы об этом не сообщать никому, кроме полиции. Не удивляйтесь, но мне не хочется попадаться на глаза кое-кому из наших соседей здесь. — Затем, словно спеша объяснить свою столь неожиданную откровенность, он добавил: — Я вообще-то приехал в Торвуд навестить своего двоюродного брата. Меня зовут